

роны органов Советской власти. Эта категория реэмигрантов не могла немедленно вернуться в страны своего прежнего проживания, но они получили такую возможность в середине 1960-х гг.

Список использованных источников

1. Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 17 сент. 1955 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1955. – № 17 (835). – Ст. 345.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 26.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 461.
4. Центральный державний архів громадських об'єднань України. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 4403.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 38.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 489.
7. Письмо С. Самасюка от 1.06.1966. // Архив Общества «Радзіма». – Папка «Самасюк».
8. Шабельцев, С.В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С.В. Шабельцев. – Минск, 2005. – 116 л.

УДК 343.341

А.В. Скоробогатый, А.И. Мурашко

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БССР

По-прежнему серьезными угрозами национальной безопасности являются транснациональная и национальная организованная преступность, коррупция, незаконная миграция, торговля людьми.

Современные вызовы преступности требуют эффективных решений по ее сдерживанию. Особо актуальной для науки и практики борьбы с преступностью является задача предупреждения ее отдельных видов, в том числе организованной. Следовательно, познание и объяснение специфических проявлений в современных условиях, всех факторов, обуславливающих отдельные виды преступлений, изучение личности преступника XXI в., подготовка прогнозов развития рассматриваемых видов преступности и индивидуального преступного поведения – ключевые задачи юридических наук. А организация результативной борьбы, например, с организованной преступностью позволит улучшить криминологическую обстановку в республике [1, с. 3].

Перед тем, как принимать какие-либо инновационные решения, следует заглянуть в историю и проанализировать, каким образом осуществлялась борьба с организованной преступностью в более ранний период. В данном исследовании будет рассмотрено развитие законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью в БССР.

Так, в XX в. влияние организованной преступности на жизнь общества значительно возросло по сравнению с предыдущими столетиями. Это подтверждается существенными изменениями уголовного законодательства в этот период. Проявилось и такое системное качество преступности, как фрактальность (самоподобие): все последующие формы преступной самоорганизации напоминали по своей структуре предыдущие, но на каждом этапе своего развития представляли перед законодателем во все более усложненном виде. Так, понятие «шайка» длительное время использовалось в советском праве: в 1947 г. совершение преступлений шайкой было введено в качестве квалифицирующего обстоятельства в такие составы, как кража и разбой.

Начальный период становления Советского государства и права проходил под влиянием идей В.И. Ленина о необходимости слома старого, государственного аппарата, отмены норм буржуазного права и создания государства диктатуры пролетариата с соответствующей этому государству системой правовых норм.

Однако создать новое государство и право в одночасье оказалось невозможно, поэтому уже в первых декретах Советской власти судам предлагалось руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, но с оговоркой «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 641].

К началу 1918 г. внутренняя и внешняя обстановка в стране резко обострилась, приняла угрожающие размеры разгул бандитизма, что потребовало усиления репрессий в отношении врагов революции, к которым относились, кроме бандитов, «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [3]. Известность получила банда Эболи и его сообщницы Бритт, которые, выдавая себя за представителей Советской власти, под видом обысков проникали в дома и совершали кражи, грабежи и разбои. 26 февраля 1918 г. по решению коллегии ВЧК они были расстреляны [4, с. 101].

В УК РСФСР 1922 г., нормы которого определенный период действовали и на территории Белоруссии, понятия, характеризующие деятельность преступных групп и сообществ, все еще не были разработаны, и только при определении мер социальной защиты (так именовались меры наказания) надлежало учитывать совершение преступления такими групп-

пами, как банда или шайка. В ст. 60–62 устанавливалась ответственность за участие в контрреволюционной организации, в ст. 75 – за участие в массовых беспорядках, в ст. 76 – за бандитизм. Все эти преступления могли повлечь применение высшей меры уголовного наказания.

В ст. 180 криминализировались «организованные по взаимному соглашению» случаи хищения государственного имущества, совершенные систематически либо несколькими ответственными должностными лицами или в особо крупных размерах; за данные действия предусматривалось применение смертной казни [2, с. 641].

В 20–30-е гг. XX в. новые явления в преступности еще не рассматривались как системные, а уголовное законодательство не выработало соответствующих понятий, лишь незначительно видоизменило терминологию прежних лет, касающуюся групповой преступности.

УК РСФСР 1926 г. ввел ответственность за участие в контрреволюционной организации (ст. 58-1) и за бандитизм (ст. 59-3), под которым понималась организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или на отдельных граждан, в остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи. В то время уже сложилось представление о свойствах и существенных признаках банды как вооруженной устойчивой группы лиц, состоящей не менее чем из двух лиц, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений [5].

Исходя из ст. 48 УК БССР 1928 г., в которой указано, что при определении мер социальной защиты суд принимает во внимание степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также насколько само преступление в данных условиях места и времени является общеопасным, п. в ст. 49 указывает на то, что более строгая мера социальной защиты определяется судом, если преступление совершено группой, бандой или рецидивистом [6, с. 17].

В ст. 64 УК БССР также прямо указывается о наличии ответственности за вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях вооруженных банд, а также захват власти ими. В ст. 76 УК БССР, аналогично УК РСФСР 1922 г., содержится норма о том, что всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в ст. 63–75 данного кодекса преступлений, равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений несут такие же меры социальной защиты, как и в статье, предусматривающей одно из вышеуказанных преступлений. Статья 79 предусматривает ответственность за участие в массовых беспорядках, а ст. 80 – за бандитизм [6, с. 21–27].

К концу 40-х – началу 50-х гг. XX в. в СССР сформировался целый ряд преступных образований, обладавших иерархической организационной структурой. В условиях послевоенной разрухи стало налаживаться производство необходимых населению товаров в подпольных цехах либо с использованием сверхурочной работы на неучтенных излишках сырья в цехах государственных предприятий. Возник слой подпольных миллионеров – так называемых цеховиков. Их продукция нуждалась в реализации, которая поручалась торговым точкам, включенным в подпольную структуру. Нелегальная производственная деятельность требовала защиты от многочисленных контролирующих органов, прежде всего от службы БХСС и местных органов власти. В таких условиях рост коррупции был неминуем. В данный период исторического развития отчетливо проявилось действие системного закона композиции и пропорциональности, в соответствии с которым каждая система стремится приобрести, создать или сохранить в своей структуре все необходимые ресурсы, находящиеся в заданной соотносительности. Если возникают пропорциональные несоответствия, стихийное действие закона приводит к самонастройке наиболее видимых несоответствий, например набора целей и задач, отношений между элементами системы и ее отношений с внешней средой. В рассматриваемый период отечественной истории самонастройка проявилась в ускоренном объединении интересов и целей преступности экономической и должностной и к усилению в связи с этим преступности организованной. Реакция же государства была неадекватной: руководители заявили о ликвидации в СССР организованной и профессиональной преступности [2, с. 643].

Начиная с 1960 г., в нормативных актах МВД перестали употреблять такие понятия, как «преступные группировки», «воровские группировки», «уголовно-бандитствующий элемент», «вор в законе» и т. п. И это в тот период, когда в течение 11-й пятилетки многократно вырос материальный ущерб от хищений: на 4 % всех расхитителей, совершивших хищения в особо крупном размере, приходилось более половины всей суммы похищенного [7, с. 117].

Несмотря на это, в п. 2 ст. 38 УК БССР 1960 г. указывается такоеотягчающее обстоятельство, как совершение преступления организованной группой. Статья 69 данного кодекса также предусматривает ответственность за организационную деятельность, направленную к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации. Кроме этого, согласно ст. 74 указанного кодекса поменялась дефиниция бандитизма, который стал пониматься как организация вооруженных банд с целью нападения на государственные,

общественные учреждения или предприятия, либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ею нападениях [8].

В 60–70-е гг. застой в экономике сопровождался размахом хозяйственно-корыстной преступности: приписки, особо крупные хищения, взяточничество и спекуляция привели к сверхобогащению дельцов, действующих в сфере теневой экономики, превративших в свою кормушку целые отрасли народного хозяйства. Это вызвало интерес со стороны преступников-профессионалов, разработавших способы паразитирования на деятельности таких профессиональных дельцов-коррупционеров [2, с. 643].

Это явление ярко проявилось в период 80-х – первой половине 90-х гг. в форме рэкета, одного из основных направлений организованной преступности в стране. Организованное вымогательство, распространившееся почти на 80 % приватизированных предприятий и негосударственных банков, составляло 10–20 % оборота или половину балансовой прибыли предприятий [9, с. 104]. Складывавшаяся ситуация требовала поиска компромисса и завершилась сращиванием двух систем. Благодаря свойству динамичности ранее конфликтовавшие подсистемы преступности стали сотрудничать: теперь уже дельцы смогли использовать лидеров профессиональной среды для устранения конкурентов, контроля за соучастниками, собственной охраны, сбыта неучтенной продукции. Особо опасные лидеры стали компаньонами дельцов, вкладывая в преступный бизнес собственные средства и всячески способствуя увеличению производства и доходов [7, с. 118].

Именно в 80-х гг. о проблеме с организованной преступностью стали говорить открыто. Как и иные «запретные» явления этот вид преступности, возникший и набравший силу в застойный период, долгое время официально не признавался. Именно это во многом предопределило то, что в 80-е гг. произошел всплеск криминального профессионализма и высокоорганизованных форм конкретного проявления в общеуголовной преступности, которые, как верно отметил И.И. Карпец, в теории совсем недавно почти начисто отрицались [10, с. 39]. Следует отметить, что правоохранные органы не сидели, сложив руки, а немедленно среагировали на данное преступное явление и уже на втором Съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г. было принято постановление СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью», которое предусматривало целый ряд организационных, тактических, правовых и иных мер.

Таким образом, делая вывод, мы можем констатировать, что организованная преступность существовала в Советском государстве. Борьба с данным социально опасным явлением не прекращалась и выражалась, в том

числе, в совершенствовании уголовного законодательства с применением различных мер социальной защиты (мер наказания). В то же время, кроме положительного момента в борьбе с организованной преступностью, существуют и «темные» периоды времени, когда не осуществлялось совершенствования уголовного и иного законодательства, несмотря на большое количество преступлений, совершаемых в составе организованных преступных групп и организаций, и вообще запрещалось говорить о ее существовании. Тем не менее все это является опытом для правоохранительных органов и государства в целом, который можно использовать в борьбе с организованной преступностью в настоящее время.

Список использованных источников

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.
2. Развитие организованной преступности в России: системный анализ / Ю.И. Скуратов [и др.] // Всерос. криминол. журн. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 638–648.
3. О красном терроре [Электронный ресурс] // ussrdoc.com. – Режим доступа: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_353.htm. – Дата доступа: 30.12.2018.
4. Смертная казнь: за и против : сборник / под ред. С.Г. Келиной. – М. : Юрид. лит., 1989. – 528 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] // ru.wikisource.org. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_1926_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F_05.03.1926. – Дата доступа: 30.12.2018.
6. Крымінальны кодэкс Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. – Менск : Выд. кіраўніцтва спраў СНК : Выд. экан. нарады БССР, 1928. – 163 с.
7. Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. – М. : Юрид. лит., 1989. – 428 с.
8. Уголовный кодекс Белорусской ССР : офиц. текст с изм. на 1 окт. 1965 г. и с прил. постатейно-систематизир. материалов / Юрид. ком. при Совете Министров БССР. – Минск : Беларусь, 1965. – 162 с.
9. Агапов, П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / П.В. Агапов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2011. – 327 с.

10. Криминологические проблемы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел СССР, Киев. высш. шк. им. Ф.Э. Дзержинского ; редкол.: А.А. Ковалкин [и др.]. – Киев : КВШ МВД СССР, 1989. – 158 с.

УДК 347.73

Е.Н. Григорьева

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИСКАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Фискальное законодательство на всех этапах развития государства является как прямым отражением его социально-экономического состояния, так и оказывает существенное влияние на него. Не является исключением и законодательство, регулировавшее фискальные правоотношения на белорусских землях после Октябрьской революции 1917 г., состояние которых можно описать высказыванием Е.А. Преображенского о том, что «финансы страны и ее денежное обращение не любят ни войн, ни революций» [1, с. 116].

Октябрьская революция 1917 г. поставила перед большевиками немало актуальных и злободневных вопросов в области государственных финансов, касающихся как управления публичными финансами, эмиссионной политики, «обуздания» галолирующей инфляции, так и поиска источников эффективного пополнения государственной казны в тяжелый для государства период, дальнейшего распределения государственных финансов и осуществления постоянного государственного контроля за всеми вышеописанными общественными отношениями. Так, например, И.К. Кубатов отмечает, что в период Октябрьской революции в связи с изменением основных функций государства в корне изменилась его финансовая политика. После революционных преобразований финансовая система оказалась на грани развала [2, с. 107]. В этот период, по утверждению А.Е. Бобкина, бюджет пополнялся в основном за счет эмиссии, а основным источником доходов местных органов являлись различного рода экспроприации и конфискации [3, с. 94]. Следует отметить, что описанные исследователями обстоятельства были характерны и для остальных территорий образовавшегося Советского государства, в том числе и для белорусских земель.

Общеизвестно, что одним из первых советских нормативных правовых актов, регулирующих налоговые правоотношения, был декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О взимании прямых налогов», которым

устанавливались единые сроки уплаты взимавшихся до его принятия фискальных платежей, начавших поступать на основе его норм в пользу исключительно государства, устанавливались налоги на прирост доходов от личных промыслов и на прирост прибыли в отношении промышленных и торговых субъектов хозяйствования, устанавливалась ответственность за уклонение от уплаты налоговых платежей и за просрочку их уплаты. В этой связи актуально высказывание Э.В. Зарецкой о том, что рассматриваемый нормативный правовой акт большевиков стал более жестким продолжением налоговой политики Временного правительства [4, с. 32].

Период военного коммунизма (1918–1921 гг.) характеризуется действием принципа прямого натурального обложения. Его функционирование явилось прямым следствием тяжелой экономической ситуации в государстве и тотального продовольственного кризиса. Об этом свидетельствует ряд нормативных правовых актов, которые принимались в рассматриваемый период. Среди них декрет СНК от 14 августа 1918 г., которым вводился единовременный сбор на обеспечение семей красноармейцев. Субъектами взимания рассматриваемого налога выступали владельцы частных торговых предприятий, у которых трудились наемные работники [5].

В целях отыскания дополнительных источников финансирования государственных расходов на обеспечение военной функции государства, а точнее на нужды Красной Армии, 28 октября 1918 г. принимается декрет СНК и ВЦИК «О введении единовременного чрезвычайного десятиллиардного революционного налога и натурального налога с хозяйств». Как емко отмечает Д.Л. Комягин, этот налог носил сугубо дискриминационный характер, так как субъектами налогообложения являлись лица, принадлежавшие к имущим группам городского и сельского населения, потому что «богатства эти необходимо и целиком взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и борьбы» [5].

В продолжение проводимой политики 30 октября 1918 г. ВЦИК принимает декрет «Об обложении сельских хозяйств натуральным налогом». Объектом обложения рассматриваемого налога являлись излишки продуктов сверх потребности сельских хозяйств с учетом числа членов семьи, отличался прогрессивностью обложения, находился в прямой зависимости от численности скота в хозяйстве, количества десятин посева. Этот налог в юридической науке часто называют принудительным сбором с крестьян при осуществлении так называемой продрозверстки [3, с. 94].

Примечательно, что, несмотря на введение с 24 ноября 1917 г. уголовной ответственности за просрочку платежей и уклонение от госу-